

Мытарства блаженной Феодоры

видение мытарств монахине Сергии

МЫТАРСТВА БЛАЖЕННОЙ ФЕОДОРЫ

ВИДЕНИЕ МЫТАРСТВ МОНАХИНЕ СЕРГИИ

КАЗАНЬ
2005

ISBN 5-7843-0074-0

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.01.2004. Формат 60×90 1/32. Гарнитура Баскервиль. Физ. п.л. 2,0. Печ. офс. Тираж 20 000 экз. Зак. А-255

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс»
в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

Учение Церкви о мытарствах

Учение о мытарствах есть учение Церкви.

В «Догматическом Богословии Православной Кафолической Восточной Церкви» преосвященного Антония утверждается: «Частный суд Божий над душами по разлучении их с телами предваряется, по учению Православной Церкви, истязанием на так называемых мытарствах, чрез которые они, восходя от земли в сопровождении Ангелов, проходят воздушное пространство и на которых злые духи задерживают их и обличают все грехи, содеянные ими в жизни».

Несомненно, что святой апостол Павел говорит о них, когда возвещает, что христианам

предлежит брань с поднебесными духами злобы. Это учение находим в древнейшем церковном предании и в церковных молитвословиях. Пресвятая Дева, Богоматерь, извещенная Архангелом Гавриилом о приближающемся своем преставлении, принесла слезные молитвы Господу о избавлении Ее души от лукавых духов поднебесной. Когда настал самый час Ее честнаго успения, когда нисшел к Ней Сам Сын и Бог Ее с тьмами Ангелов и праведных духов, Она, прежде нежели предала пресвятую душу свою во всесвятые руки Христовы, произнесла в молитве к Нему и следующие слова: «Приими ныне в мире дух Мой и огради Меня от области темной, чтоб не встретило Меня какое-либо устремление сатаны».

Правосудие Божие совершает суд над христианскими душами, исшедшими из тел своих, посредством Ангелов, как святых, так и злобных. Первые в течение земной жизни человека замечают все его добрые дела, а вторые замечают все его законопреступления.

Когда душа христианина начнет восходить к небу, руководимая святыми Ангелами, темные духи обличают ее неизглажденными покаянием грехами ее, как жертвами сатане, как залогами общения и одинаковой вечной участи с ним.

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведует особенным видом греха и истязует в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях мытарствами, а духи, служащие в них, — мытарями.

Мытарем именовался во времена Христовы и в первые века христианской Церкви собиратель государственных повинностей. Как эта обязанность, по простоте древних обычаев, поручалась лицу без положительной ответственности и отчетности, то мытари позволя-

ли себе все средства насилия, разного рода ухищрения, придирки, бесчисленные злоупотребления и бесчеловечное грабительство.

Название мытарей распространилось от людей на бесов, стерегущих восход от земли к небу, по сходству должности и исполнения ее. Как сыны и наперсники лжи, демоны уличают души человеческие не только в содеянных ими согрешениях, но и в таких, каким они никогда не подвергались. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством и наглостью, чтоб вырвать душу из рук ангельских и умножить ею бесчисленное множество адских узников.

Блаженный Иоанн Милостивый, патриарх Александрийский, постоянно беседовал о смерти и исходе души из тела, как ему о том открыто было преподобным Симеоном Столпником: «Когда душа выйдет из тела, — говаривал он, — и начнет восходить к небу, встречают ее лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязуют ее во лжи, клевете, ярости, зависти, гневе, памя-

тозлобии, гордости, срамословии, непокорстве, лихве, сребролюбии, пьянстве, объядении, злопомнении, волховании, братоненавидении, убийстве, воровстве, немилосердии, блуде, прелюбодеянии.

Во время шествия души от земли к небу сами святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела, а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвению, то милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств.

Братия! Ведая это, убоимся горького часа встречи с суровыми и немилостивыми мытарями, часа, в который придем в недоумение, что отвечать нам истязателям нашим. Ныне покаемся во всех грехах наших, дадим по силе нашей милостыню, могущую проводить нас от земли на небо и избавить от задержания бесами. Велика их ненависть к нам, великий страх ожидает нас на воздухе, великое бедствие!»

Учение о мытарствах, подобно учению о местонахождении рая и ада, встречается, как учение общеизвестное и общепринятое, на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Возвещает и напоминает она его чадам своим, чтоб насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к благополучному переходу из временной жизни в вечную.

Свт. Игнатий (Брянчанинов).
Из «Слова о смерти»

Видение Григория о мытарствах блаженной Феодоры

Один мирянин, имя которого Григорий и который написал житие преподобного Василия Нового, снискал особенную любовь преподобного. Он сделался учеником его и был очевидцем многих чудесных дел, совершенных преподобным.

«Придя к нему, – пишет Григорий в «Житии преподобного Василия Нового», – я узнал, что прислужница его Феодора, приняв иноческий чин, мирно отошла ко Господу. Все знавшие ее были огорчены ее кончиной – так она много добра сделала в своей жизни. Не менее других был огорчен и я; но не столько я скор-

бел о потере ее, сколько о том, что не знал, какой участи удостоилась она по кончине своей и причислена ли она к лику святых праведников или нет...

Будучи мучим такими внутренними вопросами, я сначала ничего не говорил святому Василию, но потом, зная, что преподобному по его прозорливости уже открыты мои тайные помышления и желания, обратился к нему с убедительной просьбой рассказать мне, какой участи удостоилась по кончине своей Феодора, которая вполне благочестиво провела последние дни своей жизни. Святой Василий внимательно, по обыкновению, выслушав мою просьбу, обещал молить милосердного Господа о даровании мне этой милости. Господь услышал молитву преподобного. Когда я уходил домой, преподобный спросил меня еще раз: «Так ты очень желаешь этого?» На это я ответил, что очень, очень желал бы. Преподобный сказал: «Ты увидишь ее сегодня, если с верою просишь и не сомневаешься в возможности исполнения просимого». Я был

сильно удивлен и рассуждал сам с собой: как и где я увижу ту, которая отошла в Жизнь Вечную?

В ту же ночь я заснул на одре своем и вот вижу некоего юношу благообразного и очень привлекательного. Подойдя ко мне, он сказал: «Встань, зовет тебя преподобный отец Василий, чтобы вместе пойти посетить Феодору; если ты хочешь увидеть ее, то иди к нему и увидишь».

Я постарался скорее встать; сейчас же направился к преподобному и, не найдя его у себя, спрашивал о нем у всех присутствовавших там. Мне ответили, что преподобный Василий сам ушел посетить Феодору. Больно мне было слышать это, и я с грустью воскликнул: «Как же он не подождал меня, чтобы и мне исполнить свое заветное желание и утешиться, увидевши свою духовную мать!..» И вот некто из присутствующих указал мне путь, по которому отправился святой Василий и по которому я должен был идти. Я отправился вслед святому и вдруг очутился как бы в неведомом лабиринте: узкая дорога, неизвестно

куда ведущая, была так неудобна, что со страху едва можно было идти по ней... Я оказался перед воротами, которые были крепко заперты; приблизившись к ним, я посмотрел в скважину, желая увидеть кого-нибудь внутри двора, чтобы спросить о святом, не зашел ли он сюда. Действительно, к счастью моему, я увидел там женщину, сидящую и беседующую со своими друзьями. Окликнув ее, я спросил: «Госпожа, чей это двор?» Она ответила, что он принадлежит отцу нашему Василию, который недавно пришел сюда, чтобы посетить своих духовных чад. Услышав это, я очень обрадовался и осмелился просить ее отворить мне ворота, чтобы и мне войти, так как я тоже чадо святого Василия. Но без разрешения Феодоры служанка не открыла мне двери. Я начал сильнее стучать в дверь, прося открыть. Феодора услышала, сама пришла к воротам и, увидев меня, тотчас узнала и поспешила открыть, сказав при этом: «Вот он — возлюбленный сын господина моего Василия!» Она ввела меня во двор, радуясь моему при-

ходу, и, приветствуя меня целованием святым, говорила: «Брат Григорий, кто тебя наставил прийти сюда?» Я ей подробно рассказал, как по молитве святого Василия я получил милость видеть ее во славе, которую она приобрела благодаря своей подвижнической жизни.

Ради духовной пользы я убедительно просил преподобную рассказать мне все: как она рассталась с телом, как прошла мимо клеветников, как пришла в эту святую обитель, как здесь живет... Феодора ответила мне: «Страшно даже вспомнить, любезное чадо Григорий, то, о чем ты спрашиваешь... После того, что я в страхе и трепете испытала, многое из виденного и слышанного я забыла, тем более что видела лица, которых во время своей земной жизни не видела, слышала голоса и речи, каких не приходилось никогда слышать. Что могу сказать, так это то, что лютая мне встретилась бы смерть за мои дела неправые, совершенные на земле, если бы не молитвы отца нашего Василия... Молитвы его сделали мою смерть легкой. Трудно описать болезнь

телесную и те мучения и страдания, какие переносит умирающий; представь себе, однако, вот если бы кто нагим бросился в пламя и там начал мало-помалу гореть и разрушаться от огня... Вот чему подобна болезнь смертная и — о, как люто разлучение души от тела, особенно же для таких грешников, как я!

Когда настал час моей смерти, я вдруг увидела множество злых духов, которые явились ко мне в образе эфиопов* и, став у одра моего, вели возмутительные разговоры и зверски посматривали на меня... Глаза у них были налиты кровью и казались чернее смолы. Всевозможные вещи проделывали злые духи, чтобы устрашить меня: и похитить собирались, и присвоить себе, и большие книги приносили, в которых были записаны все мои грехи, какие я только совершила со дня своей юности; пересматривали эти книги, как будто ожидая с минуты на минуту прихода како-

* Эфиопами (по названию народа, населяющего область Африки к юго-востоку от Египта и отличающегося черным цветом кожи) христианские писатели часто называют мрачных духов злобы.

го-то судьи. Видя все это, я волновалась от страха. От трепета и ужаса я вконец изнемогла и в таких страданиях посматривала и туда и сюда, желая увидеть кого-нибудь и просить, чтобы отогнали этих бесчинных эфиопов, но, увы, не было никого, кто бы помог мне избавиться от них.

Находясь в таком мучительном состоянии, я вдруг увидела двух Ангелов в образе светлых юношей, весьма благообразных, одетых в золотые одежды; волосы у них были как снег. Они приблизились к одру моему и стали по правую сторону. Не было пределов моей радости, когда я увидела их. Злые духи, увидев явившихся Ангелов, со страхом немедленно отошли подальше. Тогда один из Ангелов с гневом обратился к ним и спросил: «Зачем вы, мрачные враги рода человеческого, смущаете и мучаете душу умирающей? Не радуйтесь, здесь вашего ничего нет». После того как Ангел сказал это, бесстыдные духи начали перечислять все то, что я сделала от юности своей, словом ли, делом ли или помышлением, —

все это они рассказывали Ангелам и при этом ехидно спрашивали у них: «А что? Разве ничего нет?.. Не она ли все это сделала?..» И многое, многое еще они прибавили от себя, желая как можно более оклеветать меня.

Вот, наконец, пришла и смерть. Она налила чего-то в чашу, а чего – я не знаю, поднесла мне испить, и мне тогда стало горько-горько! И в эту-то минуту смерть исторгла мою душу, которая быстро отделилась от тела, подобно тому, как птица быстро отскакивает от руки ловца, если он выпускает ее на свободу.

Тогда светозарные Ангелы приняли меня на руки свои, и мы начали восходить на небо. Оглянувшись назад, я увидела тело свое, лежащее неподвижно, бездушное и бесчувственное, как обыкновенно лежит одежда, когда кто, раздевшись, бросит ее и потом, став пред нею, смотрит на нее. Когда святые Ангелы несли меня, то приступили злые духи и сказали: «Вот у нас многие ее грехи: отвечайте нам за них». Святые Ангелы в ответ на это представили все те добрые дела, какие я когда-либо

совершила: когда дала бедному хлеба или напоила жаждущего, или посетила больного или в темнице заключенного, или когда в церковь с усердием ходила, или страннику дала покой в доме своем, или когда налила масло в лампаду в церкви, или дала фимиам на храм Божий, или когда примирила кого-либо из враждовавших, или пролила слезы на молитве, или когда неприятности с терпением переносила, или странникам ноги омыла, или утвердила в вере людей маловерующих, или предостерегла кого-либо от греха, или скорбела о чужих несчастиях и напастях, или пострадала за других, или поспешила к кому на дело доброе, или совершила много поклонов; или когда постилась, чтобы победить в себе зло и покорить плоть духу, или постилась в Четыредесятницу и к Рождеству Христову, и к празднику святых апостолов, и к Успению Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и во всякую среду и пяток; или когда старалась не видеть бесполезного, не слышать празднословия, клеветы и лжи; все это собравши, они противопос-

тавили эти добрые дела моим грехам, и последние были искуплены первыми.

Злые духи скрежетали зубами, желая похитить меня у Ангелов и ввергнуть в бездну; но в это время внезапно явился посреди нас святой Василий и сказал святым Ангелам: «Господа мои, эта душа много мне послужила, успокаивая мою немощь и старость. Я молился о ней Господу, и Он даровал мне благостыню эту». При этом он дал им какой-то ковчежец и добавил: «Когда будете проходить воздушные мытарства, искупайте душу сию от долгов ее, взяв из ковчежца и отдав лукавым и злым духам». Отдав ковчежец, святой отошел. Духи злобы, увидев все это, долго оставались в недоумении и безгласными, а потом вдруг, громко воскликнув, завопили: «Горе нам, напрасно мы трудились, следивши за нею, как и где она грешила!» Сказав это, они мгновенно исчезли. Затем явился снова преподобный Василий и принес с собой много различных сосудов с ароматами, которые вручил юношам.

Открывая один сосуд за другим, юноши возливали на меня ароматы, я исполнилась благоухания духовного и почувствовала, что изменилась и стала очень светла. Преподобный сказал святым Ангелам: «Господа мои! Когда все необходимое совершите над нею, тогда приведите ее в предуготовленную мне от Господа обитель и оставьте ее там». Сказав это, он отошел.

Святые Ангелы взяли меня от земли и направились вверх на небеса, как бы восходя по воздуху. И вот на пути внезапно встретили мы мытарство *первое*, которое называется мытарством *празднословия и сквернословия*. Явились истязатели и требовали дать ответ во всем, что я дурно когда-либо о ком-нибудь говорила; обвиняли меня за дурные песни, которые я пела, за неприличный смех и насмешки. Все это было забыто мной, так как много времени прошло с тех пор. Но Ангелы защитили меня от истязателей, и мы отправились дальше.

Поднимаясь выше к небу, мы достигли мытарства *второго* — мытарства *лжи*. Находивши-

еся там злые духи были очень мерзки, противны и свирепы. Они, увидев нас, вышли навстречу к нам и начали оклеветывать меня, указывая на время и место, когда и где я говорила на кого ложь, называли даже тех лиц, о которых я сказала неправду. Ангелы, со своей стороны, защищали меня и дали злым истязателям из ковчежца святого Василия, и мы миновали их без беды.

Достигли мы и *третьего* мытарства — мытарства *осуждения и клеветы.* Здесь находилось множество злых духов. Один из них, более старый, подошел и начал говорить о том, когда и какими дурными словами я кого оклеветала в течение всей своей жизни. Правда, что многое они и ложно показывали, но во всяком случае мне было удивительно, как они могли помнить все действительно бывшее с такою подробностью и точностью, о какой я сама забыла. Все это мучило и терзало меня. Ангелы святые, со своей стороны, рассказали о моих добрых делах, отделив при этом из

ковчежца, данного святым Василием. Миновали мы и эту беду.

Встретили мы дальше на пути мытарство *четвертое — объядения и пьянства.* Слуги этого мытарства стояли, как волки хищные, готовые поглотить всякого приходящего к ним. Они напустились на меня, как псы, высказывая все то, что я от юности сделала в отношении чревоугодия, вспоминали, когда я ела утром, не помолившись Богу, указывали и на то, что я ела скоромное в постные дни, что ела до обеда и во время обеда чрез меру, что ела без меры и перед ужином, и во время ужина; во всем этом они обличали меня, стараясь вырвать из рук Ангелов. Наконец, один из них спросил меня: «Не ты ли обещала при Святом Крещении Господу Богу своему отречься от сатаны и всех дел его и от всего, что принадлежит сатане? Давши такой обет, как ты могла совершить то, что ты совершила?» Они выставили на вид даже счета тем чашам, которые я в течение всей своей жизни выпила, говоря мне: «Не столько ли чаш выпила ты в та-

кой-то день, и в такой-то с тобой пил мужчина, а в такой — женщина? Не была ли ты пьяна, пивши без меры и так много?» Словом, много на меня эти ненавистные враги рода человеческого клеветали, стараясь похитить меня из рук Ангелов. Тогда я сказала, что действительно все это было и что все это я помню... Ангелы, дав часть из ковчежца святого Василия, искупили мои грехи чревоугодия, и мы отправились дальше.

Один из Ангелов сказал мне: «Видишь ли, Феодора, что приходится испытывать душе умершего, когда она проходит все эти мытарства и встречается с этими злыми духами, с этими князьями тьмы». Я отвечала: «Да, я видела и ужасно перепугалась; мне думается, знают ли находящиеся на земле люди, что ждет их здесь и с чем они встретятся по смерти своей?» «Да, они знают, — сказал Ангел, — но наслаждения и прелести жизни так сильно действуют на них, так поглощают их внимание, что они невольно забывают о том, что их ждет за гробом. Добро тем, которые по-

мнят Священное Писание и творят милостыню или совершают какие-либо другие благодеяния, которые впоследствии могут искупить их от вечных мук ада. Тех же людей, которые живут небрежно, как будто бессмертные, думая только о благах чрева и о гордости, — если их внезапно застигает смерть, то окончательно погубит, так как они не будут иметь в защиту себя никаких добрых дел. Души тех людей темные князья мытарств сих, сильно измучив, отведут в темные места ада и будут держать их там до пришествия Христова — и ты, Феодора, пострадала бы так, если бы не получила от угодника Божия Василия дарований, которые тебя спасли здесь от всех этих бед».

Ведя такую беседу, мы достигли *пятого* мытарства — мытарства *лености*, где истязуются грешники за все дни и часы, проведенные в праздности. Тут же задерживаются тунеядцы, жившие чужими трудами, а сами не хотевшие трудиться, и наемники, бравшие плату, но не исполнявшие обязанностей, принятых на се-

бя. Тут же истязуются и те, кои не радеют о прославлении Бога, ленятся в праздничные и воскресные дни ходить в храм на утреннее богослужение, на Божественную литургию и другие священные службы.

Тут же испытываются вообще уныние и небрежение как мирских людей, так и духовных, и разбирается нерадение каждого о душе своей, и многие оттуда низводятся в пропасть.

И я была там много испытываема, и нельзя бы мне было освободиться от долгов, если бы святые Ангелы не восполнили моих недостатков дарами преподобного Василия.

Пришли к мытарству *шестому — воровства.* Здесь тоже немного дали злым духам и прошли свободно.

Мытарство *седьмое, сребролюбия и скупости,* прошли мы без задержания, потому что я, по милости Божией, никогда в жизни моей не заботилась о многом приобретении и не была сребролюбива, довольствуясь тем, что Бог давал; и не была скупою, но что имела, усердно раздавала нуждающимся.

Вошли мы в мытарство *восьмое, лихоимства*. Представители же сего мытарства, истязующие грехи взяточничества и лести, ничего не имели против меня и поэтому со злостью заскрежетали зубами, когда мы безбедно уходили от них.

Вот мытарство *девятое — неправды и тщеславия*. В них я была невиновна, и скоро мы отправились оттуда.

Достигли мы и *десятого* мытарства, мытарства *зависти*. Благодатию Христовой и здесь ничего против меня не имели злые духи, ничего в осуждение меня не нашлось у них. И мы с радостью направились далее.

Встретилось мытарство *одиннадцатое*, где испытываются грехи *гордости*, но его мы прошли совершенно свободно, так как я оказалась невиновною в этом грехе.

Восходя дальше к небу, мы встретили мытарство *двенадцатое* — мытарство *гнева*. Счастлив человек, который, живя, не испытывал гнева. И вот старейший из злых духов, находившийся здесь и сидевший на престоле, ис-

полненный ярости и гордости, с гневом приказал находящимся тут слугам своим мучить и истязать меня. Последние, как псы облизываясь, начали доносить на меня. Они открывали не только то, какие слова я действительно с яростью и гневом когда-то произнесла или каким словом кому повредила, но говорили и о том, как я когда-то с гневом посмотрела на своих детей, а в другой раз слишком строго наказала их. Они представили все очень живо, указав даже время, когда тот или иной грех был мною совершен, и тех людей, на которых я когда-то свой гнев изливала, повторили даже подлинные мои слова, которые я тогда произносила, и сказали, кто присутствовал при этом. На все это Ангелы ответили тем, что дали из ковчежца, и мы отправились выше.

И встретилось нам мытарство *тринадцатое — злопамятства*. Как разбойники, подскочили к нам злые духи и, испытывая меня, хотели что-либо найти, записанное в хартиях своих, но так как, по молитве святого Василия,

ничего не нашли, то зарыдали... Я во многом была грешна, но любовь питала ко всем, и к великим и к малым, никого никогда не оскорбляла, никогда не помнила зла, никогда не мстила другим за зло... И мы без остановки пошли дальше.

Одного из Ангелов, сопровождавших меня, осмелилась я спросить: «Умоляю тебя, скажи мне, откуда знают эти злые духи, которые нам встречались в мытарствах, кто и что в жизни сделал дурного?» Ангел святой отвечал: «Всякий христианин при Святом Крещении приемлет Ангела хранителя, который невидимо оберегает его от всего дурного и наставляет на все доброе и записывает все добрые дела, совершенные этим человеком... С другой стороны, злой ангел в течение всей жизни следит за злыми делами человека и записывает их в своей книге; он записывает все грехи, в которых, как ты видела, испытываются люди, проходящие мытарства и направляющиеся на небо.

Грехи эти могут возбранить душе вход в рай и низвергнуть прямо в бездну, в которой

живут и сами злые духи. Там души эти будут жить до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа, если не имеют за собой благих дел, которые бы могли вырвать их из рук диавола. Люди, верующие в Святую Троицу, приобщающиеся как можно чаще Святых Таин Тела и Крови Христа Спасителя, имеют прямо восход на небо, без всяких препятствий, и святые Ангелы являются их защитниками, и святые угодники Божии молятся о спасении душ таких праведно поживших людей.

О злочестивых же и зловерных еретиках, которые не совершают в жизни своей ничего полезного, которые живут одним неверием и ересью, никто не заботится, и в защиту их Ангелы ничего не могут сказать.

Пришли в мытарство *четырнадцатое – разбойничества.* В нем испытываются все те, кто с гневом толкал кого-либо или бил по щекам, по плечам и шее жезлом или палкой, или каким-либо другим оружием. Святые Ангелы, дав немного из ковчежца, провели меня и чрез это мытарство без вреда.

Мы внезапно оказались в мытарстве *пятнадцатом – чародеяния*, обаяния, отравления наговорными травами, *призывания бесов*. Здесь находились злые духи, змееобразные по виду, для которых единственная цель существования – вводить людей в соблазны и разврат. Ни один из них не мог и слова сказать против меня, так как в этих грехах я была невиновною. По благодати Христовой мы скоро миновали и это мытарство.

После этого я спросила у Ангелов, сопровождавших меня: «За всякий ли грех, который человек совершит в жизни, он в мытарствах сих после смерти истязуется или, быть может, возможно еще в жизни загладить свой грех, чтобы очиститься от него и здесь уже не мучиться за него? Я просто трепещу от того, как подробно все разбирается». Ангелы отвечали мне, что не всех так испытывают в мытарствах, но только подобных мне, не исповедавшихся чистосердечно перед смертью. Если бы я исповедала отцу духовному без всякого стыда и страха все греховное и если бы получи-

ла от духовного отца прощение, то я перешла бы беспрепятственно все эти мытарства и ни в одном грехе мне не пришлось бы быть истязуемой. Но так как я не захотела чистосердечно исповедать духовному отцу своих грехов, то здесь и истязуют меня за это.

Конечно, мне много помогало то, что я в течение всей своей жизни желала и старалась избегать греха. Тот, кто с усердием стремится к покаянию, всегда получает от Бога прощение, а чрез это и свободный переход от жизни сей в блаженную жизнь загробную. Духи злые, которые находятся в мытарствах вместе со своими писаниями, раскрывши их, ничего не находят написанным, ибо Святой Дух делает невидимым все написанное. И видят это они, и знают, что все записанное ими изглажено благодаря исповеди, и очень скорбят тогда. Если человек еще жив, то они стараются снова на этом месте вписать какие-нибудь другие грехи. Велико, поистине, спасение человека в исповеди!.. Она спасает его от многих бед и несчастий, дает возможность беспре-

пятственно пройти все мытарства и приблизиться к Богу. Иные не исповедуются в надежде, что будет еще время и для спасения, и для оставления грехов; иные просто стыдятся на исповеди высказать духовнику свои грехи — вот такие-то люди будут испытаны в мытарствах строго. Есть и такие, которые стыдятся все высказать одному духовному отцу, а избирают несколько, и одни грехи одному духовнику открывают, другие — другому и так далее; за такую исповедь они будут наказаны и немало претерпят, проходя мытарства.

Так мы шли и беседовали; незаметно перед нами показалось мытарство *шестнадцатое* — мытарство *блуда*. Истязатели этого мытарства вскочили и, глядя на нас, изумлялись тому, что мы достигли беспрепятственно этого мытарства, и несколько времени стояли как будто в забытьи. Потом они принялись истязать меня, причем говорили не только правду, но много дали и ложных показаний, приводя в подтверждение имена и места; здесь задержались мы довольно долго.

Вот мытарство *семнадцатое — прелюбодеяния*. Слуги этого мытарства быстро подскочили ко мне и начали излагать мои грехи: как я прежде, когда еще не служила у святого отца нашего Василия, имела супруга, которого мне дала моя госпожа, и жила с ним, а когда-то с другими согрешила, и очень много на меня клеветали. Святые Ангелы и здесь защитили меня, и мы пошли дальше.

Явились мы потом на *восемнадцатое* мытарство — мытарство *содомских грехов*, где истязуются противоестественные блудные грехи и вообще все сквернейшие, тайно совершаемые дела, о которых, по слову апостола, *срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12). Я не была виновна против грехов этого мытарства, и мы скоро его миновали.

В то время когда мы поднимались выше, святые Ангелы сказали мне: «Ты видела страшные и отвратительные блудные мытарства; знай, что редкая душа минует их свободно: весь мир во зле соблазнов и скверн, все почти люди сластолюбивы; *помышление серд-*

ца человеческого – зло от юности его (Быт. 8, 21); мало умерщвляющих плотские похоти и мало таких, которые бы свободно прошли мимо этих мытарств.

Большая часть, дошедши сюда, погибает. Власти блудных мытарств хвалятся, что они одни более всех прочих мытарств пополняют огненное родство во аде.* Благодари Бога, Феодора, что ты миновала этих блудных истязателей молитвами отца своего, преподобного Василия. Более уже не увидишь страха».

После этого мы пришли на *девятнадцатое* мытарство, которое носит название *«идолослужение и всякие ереси»*. Здесь ни в чем меня не испытывали, и мы скоро миновали его.

Затем нам встретилось мытарство *двадцатое*, которое называется мытарством *немилосердия и жестокосердия*. В этом мытарстве записаны все немилостивые, жестокие, суровые и ненавидящие. Когда кто не следует заповеди Божией и немилосерд, то душа такого че-

* Т.е. пополняют число низвергнутых на дно ада и таким образом вступающих как бы в родство со злыми духами, подвергаясь с ними одинаковой участи.

ловека, придя в это мытарство, подвергнута будет разным истязаниям и брошена в ад, и там затворят ее до общего Воскресения. Такую душу Бог не помилует, так как она ни убогому не подала куска хлеба, ни нищего не успокоила, ни болящего не посетила, не помиловала слабого и обиженного, если не делом, то хоть словом утешительным, и в его горе не поскорбела вместе с ним, но, наоборот, совершала все противоположное.

Когда мы пришли сюда, князь сего мытарства показался мне весьма и весьма жестоким, суровым и даже унылым, как будто от продолжительной болезни. Он плакал и рыдал; казалось, что он дышит огнем немилосердия. Слуги его подлетели ко мне, как пчелы, и начали меня испытывать, но, не нашедши ничего, они отошли; мы же, веселые и радостные, отправились дальше.

И вот мы приблизились к вратам небесным и вошли в них, радуясь, что благополучно прошли горькие испытания в мытарствах. Врата эти были как хрусталь, а здания, которые

здесь находились, блистали как звезды. Стоявшие тут юноши в золотых одеждах с радостью приняли нас, увидев, что душа моя избежала горьких испытаний воздушных мытарств... Когда мы шли, веселясь и радуясь о спасении, вода, бывшая над землей, расступилась, а позади снова соединилась. Пришли мы на одно страшное место, где были юноши, очень красивые, в огненных одеждах. Они встретили нас, радуясь тому, что душа моя спасена для Царствия Божия, и пошли вместе с нами, поя Божественную песнь.

Когда мы шли, вдруг на нас спустилось облако, затем другое; пройдя еще немного, мы увидели пред собой на возвышении Престол Божий, весь белый, просвещающий всех предстоящих пред ним. Вокруг него стояли юноши весьма красивые, блиставшие, одетые в прекрасные одежды... Как рассказать тебе об этом, чадо мое Григорий?.. Все, что я там видела, невозможно ни понять, ни объяснить; ум омрачается недоумением, и память исчезает — так что я забыла, где нахожусь.

Приведшие меня святые Ангелы подвели меня к Престолу Божию, и я поклонилась невидимому Богу. Затем услышала голос, говорящий: «Пройдите с нею и покажите ей души праведных и грешных и все обители святых, находящиеся в раю, и места в преисподней и потом дайте ей покой там, где укажет угодник мой Василий».

Мы отправились по неведомому пути и пришли в обители святых. Здесь увидела я различные палаты, сотворенные рукою Божией, искусно и красиво устроенные. Я изумилась увиденному и с радостью смотрела на все. Святой Ангел, показывая мне обители святых, пояснял: «Это обитель апостолов, а то — пророков и мучеников, а другие обители — святителей, преподобных и праведников». Когда мы вошли внутрь и оказались посреди этих прекрасных обителей, то святые встретили нас, радуясь о моем спасении, и облобызали лобзанием духовным. Затем привели меня в жилище патриарха Авраама. Оно было заполнено славой и радостью духовной

и ароматами благовонных цветов. Были здесь различные палаты, какие может устроить только Дух Божий.

Мы увидели множество младенцев, ликующих и веселящихся. Я спросила водящих меня Ангелов, что это за собор светоносных младенцев, ликующих и веселящихся вокруг этого святого старца. Ангелы ответили мне, что старец – это патриарх Авраам, а собор младенцев – это христианские младенцы. Затем мы отправились осматривать окрестности рая, красоту которых просто невозможно описать.

Невозможно словами изобразить то, что я видела и слышала; когда же пытаюсь продолжить рассказ, на меня нападает страх и трепет...

Затем меня повели в преисподнюю, где Господь заключил сатану, связав его. Там видела я ужасные муки. Оттуда мы направились на запад, где я видела столь же страшные муки, приготовленные для грешников.

Все это Ангелы показывали мне, говоря: «Видишь, от каких бедствий ты спасена бла-

годаря молитвам святого угодника?..» В страшных муках грешники кричали и молили о помиловании их. О многих тех мучениях тяжело и вспоминать.

Когда мы рассмотрели все это, то один из Ангелов, сопровождавших меня, сказал: «Знаешь, Феодора, что в мире есть обычай: в сороковой день после смерти оставшиеся в живых творят память по умершим; так вот, там, на земле, сегодня поминает тебя преподобный Василий».

Итак, теперь, духовное чадо мое Григорий, по прошествии сорока дней после разлучения моей души с телом, я нахожусь в этом месте, которое уготовано преподобному отцу нашему Василию. Ты еще в мире и преподобный Василий тоже; он наставляет всех приходящих к нему на путь истины и, приводя к покаянию, многих обращает ко Господу. Иди за мной: мы войдем в мои внутренние покои, и ты рассмотришь их. Здесь недавно, перед самым твоим приходом, был преподобный Василий...»

Я пошел вслед за ней, и мы вместе вошли туда. Когда мы шли, то я заметил, что ее ризы были белы как снег. Мы вошли во дворец, украшенный золотом; посреди него росли различные деревья с прекрасными плодами; посмотрев на восток, я увидел роскошные палаты, светлые и высокие. Здесь был большой трапезный стол, на котором стояли золотые сосуды, весьма дорогие. В сосудах этих находились плоды разных сортов, от которых исходили чудные благоухания.

Здесь был и преподобный Василий. Он сидел на прекрасном престоле. Здесь же, возле трапезы, стояло множество людей, но лишь похожих на тех, которые живут на земле, — они имели очертания человеческие и были окружены как бы солнечными лучами.

Когда они ели от трапезы, то она снова чудесно наполнялась. Прекрасные юноши подавали им кушанья. Они были препоясаны золотыми ремнями, а на главах их были венцы, сделанные из дорогого камня.

Феодора, подойдя к святому Василию, стала просить его обо мне. Преподобный, посмотрев на меня с радостью, подозвал к себе. Я, приблизившись, поклонился ему, по обычаю, до земли, и он тихо сказал мне: «Бог помилует тебя и простит, чадо мое!.. Он, Всемилостивый, наградит тебя всеми небесными благами». Подняв меня с земли, он продолжал: «Вот Феодора; ты так сильно желал ее видеть и так сильно просил меня об этом; вот ты видишь ее: где она и какой участи сподобилась ее душа в этой загробной жизни». Обратившись к Феодоре, преподобный сказал ей: «Иди с ним и покажи сад мой. Пусть увидит красоту его».

Взяв меня за правую руку, она привела меня к стене, в которой были золотые врата, и, открывши их, ввела внутрь сада. Я увидел там замечательно красивые деревья: листья на них были золотые, украшены они были цветами, от которых распространялось приятное благоухание. Таких прекрасных деревьев было бесчисленное множество; их ветви прекло-

нялись до земли от тяжести плодов. Меня все это поразило. Феодора, обратившись ко мне, спросила: «Чему ты удивляешься?.. Вот если бы ты видел сад, называемый раем, который насадил Сам Господь на востоке, как бы ты тогда удивился!.. Наверное, ты поражен был бы его величием и красотой; этот против рая – ничто».

Я умолял Феодору сказать мне, кто насадил этот сад, подобного которому я никогда не видел... Она отвечала, что я и не мог видеть ничего подобного, так как нахожусь еще на земле, а здесь все неземное, и жизнь они здесь проводят неземную.

«Жизнь, полная трудов и пота, – продолжала Феодора, – какую проводил преподобный отец наш Василий от юности до глубокой старости, усиленные его молитвы, лишения, которые он переносил, когда спал на голой земле, претерпевая часто зной и мороз, питаясь подчас только одной травой – еще прежде, чем пришел в Константинополь, – только такая подвижническая жизнь послужила во спасение

ему самому и чрез него многим из людей; только за такую жизнь и за молитвы подобных подвижников Бог дает в загробной жизни такие обители. Кто в земной своей жизни переносит много скорбей и напастей, кто строго хранит заповеди Господни и в точности исполняет их, тот получает награду и утешение в жизни загробной, как и святой псалмопевец Давид сказал: *Труды плодов твоих снеси* (Пс. 127, 2).

Когда Феодора сказала, что жизнь на Небе отличается от жизни земной, то я невольно ощупал себя, как будто желая узнать, во плоти ли я еще, и, конечно, убедился в этом. Чувства и помыслы мои были чисты, и дух мой радовался от всего, что я увидел. Я захотел возвратиться во дворец теми же вратами, чрез которые вышел. Войдя туда, за трапезой я уже никого не нашел. Поклонившись Феодоре, я возвратился домой. В это самое мгновение я проснулся и стал размышлять: где я был и что было все то, что я видел и слышал?..

Встав со одра своего, я отправился к святому Василию, чтобы от него узнать, было ли

это видение от Бога или от бесов. Придя к нему, я, по обычаю, поклонился до земли. Он благословил меня, приказал сесть вблизи себя и спросил: «Знаешь ли, чадо, где ты был в эту ночь?» Представившись не знающим, я отвечал: «Нигде, отче, я не был; я спал на своем одре». Преподобный сказал: «Верно, ты действительно телом почивал на своем одре, но духом ты был в другом месте. Ты видел Феодору; когда ты подходил к вратам Небесного Царства, она тебя встретила с радостью, ввела внутрь двора, показала тебе все, рассказала о своей смерти и о всех мытарствах, которые прошла.

Не по моему ли велению ты вошел во дворец, где видел чудную трапезу и дивное устройство ее; не видел ли там прекрасные плоды: какова их сладость; каковы цветы, каково питие и какие юноши служили у трапезы? Не стоял ли ты в изумлении, глядя на красоту этих палат? Не показал ли я тебе Феодору, которую ты так желал видеть; не узнал ли ты от нее, что она удостоилась получить за свою

благочестивую жизнь? Не по моему ли повелению она ввела тебя в мой прекрасный сад?.. Не это ли было в видении твоем в сию ночь?.. Как же ты говоришь, что ничего этого не видел?» Рассказав мне все, что я видел, преподобный Василий просил меня записать все виденное и слышанное на пользу ближних.

Когда я это услышал от святого, то уже нисколько не сомневался, что это было не мечтание, не сон, но действительное видение, посланное Господом Богом. Я размышлял сам с собою: как велик у Бога сей праведник, который был там и телом и душой и все виденное и слышанное мною знает! Я прослезился и сказал: «Правда, святый отче, все было так, как ты рассказал, и я благодарю Человеколюбца Владыку Господа нашего Иисуса Христа, сподобившего меня видеть все это и наставившего меня прибегнуть к тебе, чтобы постоянно находиться под охраной твоих молитв и насладиться видением таких великих чудес».

Видение мытарств монахине Сергии*

Зимой 1923/24 года я заболела воспалением легких. В течение восьми дней температура держалась на 40,8°. Приблизительно на девятый день болезни я видела знаменательный сон.

Еще в самом начале, в полузабытьи, когда я силилась творить Иисусову молитву, меня отвлекали видения — прекрасные картины природы, над которыми я словно плыла. Когда я вслушивалась в музыку или засматрива-

* Монахиня Сергия (в миру Татьяна Ивановна Клименко, 1901–1994) в последние годы проживала в Пюхтицком Успенском монастыре в Эстонии. В молодости, еще до монашеского пострига, во время тяжелой болезни по молитвам ее духовного отца Стефана (Игнатенко, † 1973 г.), ей было дано видение — прохождение мытарств, которое впоследствии она подробно записала.

лась на чудесные пейзажи, оставляя молитву, меня потрясала с ног до головы злая сила, и я скоро принималась за молитву. По временам приходила в себя и видела отчетливо всю окружающую меня обстановку.

Вдруг около моей кровати появился мой духовник, иеромонах Стефан. Он, взглянув на меня, сказал: «Пойдем». Памятуя всем сердцем учение Церкви относительно опасности доверия к видениям, я стала читать молитву «Да воскреснет Бог...» Прослушав ее с тихой улыбкой, он сказал: «Аминь» — и словно взял меня с собой куда-то.

Мы очутились как будто в недрах земли, в глубоком подземелье. Посреди протекал бурный поток с черной водой. Я подумала о том, что бы это означало. И в ответ на мою мысль отец Стефан без слов, мысленно мне ответил: «Это мытарство за осуждение. Осуждение никогда не прощается».

В глубоком потоке я увидела мою знакомую, еще в то время живую. С ужасом взмолилась я о ней, и она как бы вышла сухая.

Смысл виденного был такой: если бы она умерла в том состоянии, в каком была в то время, она бы погибла за грех осуждения, не покрытый покаянием. (Она, бывало, говорила, что детей в целях отвращения от греха надо приучать осуждать дурно поступающих людей). Но так как час смертный ее не настал, то она сможет великими скорбями очиститься.

Мы пошли к истоку ручья вверх и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Чувствовалось, что за этими вратами – мрак и ужас... «Что же это?» – подумала я. «Там мытарства за смертные грехи», – подумал мне в ответ ведущий. Слов между нами не было. Мысль отвечала на мысль непосредственно.

От этих ужасных, закрытых наглухо врат мы повернули обратно и словно поднялись выше. (К сожалению, я не помню всей последовательности виденного, хотя все видения передаю совершенно точно.)

Мы оказались словно в магазине готового платья. На вешалках кругом висело много одежды. Было нестерпимо душно и пыльно. И тут я поняла, что эти платья — мои мысленные пожелания хорошей одежды в течение всей жизни. Здесь же я видела свою душу словно распятую, повешенную на вешалке, как костюм. Душа моя точно претворилась в платье и пребывала, задыхаясь в скуке и томлении. Другой образ страдающей души был здесь в виде манекена, посаженного в клетку и тщательно, модно одетого. И эта душа задыхалась от пустоты и скуки тех суетных тщеславных желаний, которыми тешилась в жизни мысленно.

Мне стало понятно, что в случае моей смерти здесь бы мучилась томясь, в пыли моя душа.

Но отец Стефан провел меня дальше. Я увидела как бы прилавок с чистым бельем. Две мои родственницы (в то время еще живые) без конца перекладывали с места на место чистое белье. Ничего особенно ужасного как будто эта картина не представляла, но на

меня повеяло опять невероятной скукой, томлением духа. Я поняла, что такой бы была загробная участь моих родственниц, если бы они к этому времени умерли; они не совершили смертных грехов, были девицы, но не заботились о спасении, жили без смысла, и эта бесцельность перешла бы вместе с их душами в вечность.

Затем я увидела словно класс, наполненный солдатами, с укором глядевшими на меня. И тут я вспомнила о своей недоконченной работе: одно время мне пришлось заниматься с увечными воинами. Но потом я уехала, не отвечала на их письма и запросы, оставив их на произвол судьбы в трудное переходное время первых годов революции...

Затем меня окружила толпа нищих. Они протягивали ко мне руки и говорили умом, без слов: «Дай, дай!» Я поняла, что этим бедным людям я могла бы помочь при жизни, но почему-то не сделала этого. Непередаваемое чувство глубокой виновности и полной невоз-

можности оправдать себя наполнило мое сердце.

Мы пошли дальше. (Еще я видела свой грех, о котором никогда не думала, — неблагодарность по отношению к прислуге, именно то, что труд ее принимала как нечто должное. Но образ виденного забылся, остался в памяти только смысл.)

Должна сказать, что передавать виденные образы мне очень трудно: они не улавливаются словами, грубея, тускнея.

Вот путь нам загородили весы. На одну чашу сыпались непрестанным потоком мои добрые дела, а на другую падали с шумом и разлетались вокруг с сухим треском пустые орешки: это был символ моего тщеславия, самоценения. По-видимому, эти чувства вполне обесценили все положительное, так как чаша с пустыми орешками перевесила. Добрых дел без примеси греха не оказалось. Ужас и тоска охватили меня. Но вдруг откуда-то упал на чашу пирог или кусок торта, и правая сторо-

на перевесила. (Мне показалось, что кто-то мне дал «взаймы» свое доброе дело.)

Вот остановились мы перед горою, горою пустых бутылок, и я с ужасом осознала, что это образ моей гордости, пустой, напыщенной, глупой. Ведущий подумал мне в ответ, что если бы я умерла, то на этом мытарстве мне пришлось бы как бы открывать каждую бутылку, что составило бы непосильный труд и бесплодный.

Но тут отец Стефан взмахнул словно каким-то гигантским штопором, изображавшим собою благодать, и все бутылки разом открылись. Я, освобожденная, пошла дальше.

Надо прибавить, что я шла в иноческой одежде, хотя в то время только готовилась к постригу.

Старалась я ступать по следам духовника, если же ступала мимо, то вылезали змеи и старались ужалить меня. Духовник вначале был в монашеском одеянии, превратившемся потом в царственную пурпурную мантию.

Вот подошли мы к бушующей реке. В ней стояли какие-то злые человекообразные существа, бросавшие друг в друга с неистовой злобой толстые бревна. Увидев меня, они завопили с какой-то ненасытной злобой, пожирая меня глазами и стремясь наброситься на меня. Это было мытарство гнева, проявленного, несдержанного.

Оглянувшись, я заметила, что за мной ползет слюна величиной с человеческое тело, но без форм, с лицом женщины. Никакими словами не могу я передать ненависть, сверкавшую в ее неотступно смотревших на меня глазах. Это была моя страсть раздражительности, словно тождественная бесу раздражительности. Надо сказать, что я ощущала там свои страсти, которые развила и раскормила в жизни, как нечто единое с бесами, их возбуждающими.

Эта слюна все время хотела обвить и задушить меня, но духовник отклонял ее, мысленно говоря: «Еще не умерла, может покаяться». Неотступно, с нечеловеческой злобой глядя на

меня, она ползла за мной почти до конца мытарств.

Затем мы подошли к запруде, или плотине, в виде как бы вала со сложной системой трубочек, через которые просачивалась вода. Это был образ моего гнева сдержанного, внутреннего, символ многоразличных мысленных злобных построений, имевших место только в воображении. Если бы я умерла, то мне бы пришлось словно через все эти трубочки протискиваться, процеживаться с невероятными муками. Опять чувство страшной безответной виновности охватило меня. «Еще не умерла!» — подумал отец Стефан и увел меня дальше. Долго еще вслед мне неслись вопли и бешеный плеск из реки — гнева.

После этого мы опять словно поднялись выше и попали в какое-то помещение. В углу, как бы отгороженном, стояли какие-то чудовища, без-образные, потерявшие образ человеческий, покрытые и насквозь пропитанные каким-то отвратительным срамом. Я поняла, что это мытарства за непристойность, похаб-

ные анекдоты, неприличные слова. Я с облегчением подумала, что в этом-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища ужасными голосами заговорили: «Наша, наша!» И мне с поразительной отчетливостью вспомнилось, как я, будучи десятилетней гимназисткой, писала в классе с подругой какие-то глупости на бумажках. И опять та же безответность, связанная с глубочайшим сознанием виновности, охватила меня. Но ведущий с теми же мысленно произнесенными словами: «Еще не умерла», — отвел меня. Поблизости, словно при выходе из этого отгороженного закоулка, я увидела свою душу в виде фигурки, заключенной в стеклянную баночку. Это было мытарство за гадание. Я почувствовала тут, как унижает, умаляет бессмертную душу гадание, превращая ее словно в безжизненный лабораторный препарат.

Далее в противоположном углу, как бы сквозь окна, ведущие в соседнее нижнее помещение, я увидела бесчисленное множество кондитерских изделий, расставленных ряда-

ми: это были съеденные мною сласти. Хотя бесов я здесь не видела, но от этих заботливо собранных в течение моей жизни проявлений чревоугодия веяло бесовским ехидством. Я должна была бы снова все это поглощать, уже без наслаждения, но как бы под пыткой.

Потом мы прошли мимо бассейна, наполненного беспрестанно вращающейся раскаленной, словно расплавленной, золотистой жидкостью. Это было мытарство за мысленно-извращенное сладострастие. Лютой мукой веяло от этой расплавленной двигающейся жидкости.

Затем я увидела душу моего знакомого (еще не умершего) в виде чудесного по цвету и нелепого по форме цветка. Он состоял из дивных розовых лепестков, сложенных в длинную трубочку: ни стебля, ни корня не было. Духовник подошел, обрезал лепестки и, глубоко всадив их в землю, сказал: «Теперь принесет плод».

Неподалеку стояла душа моего двоюродного брата, вся насквозь заложенная военной

амуницией, словно души-то, собственно, и не было. Брат этот очень любил военное дело ради него самого, не признавал никаких других занятий для себя.

После этого мы перешли в другое, меньшее помещение, в котором стояли уроды: гиганты с крошечными головками, карлики с огромными головами. Тут же стояла я в виде огромной мертвой монахини, словно деревянной.

Все это были символы людей, проводивших самочинно-подвижническую жизнь, без послушания и руководства: у одних преобладал телесный подвиг, у других была слишком развита рассудочность. В отношении себя я поняла, что будет время, когда я оставлю послушание духовнику и умру духовно. Ноги мои словно пристыли к полу, но после горячей молитвы к Божией Матери я снова получила возможность идти дальше за отцом Стефаном. Это было не мытарство, а как бы образ будущих моих уклонений от правильного пути ко спасению.

Потом потянулся ряд огромных пустых храмов, по которым мы утомительно долго шли. Я еле передвигала ноги и мысленно спросила отца Стефана о том, когда же кончится этот путь. Он сейчас же подумал мне в ответ: «Ведь это твои мечты, зачем столько мечтала?» Храмы, через которые мы проходили, были очень высокие и красивые, но чуждые Богу, храмы без Бога.

По временам стали встречаться аналои, перед которыми я, становясь на колени, исповедовалась, в то время как ведущий, ожидая, стоял рядом. Первый священник, которому я исповедовалась, был отец Петр (наш соборный протоиерей, у которого я действительно и исповедовалась первый раз после этого сновидения). Далее я не видела во время исповеди духовника, но исповедовалась часто у аналоев. Все это мне говорило о моей предстоящей жизни, о спасении через частое Таинство исповеди.

Вдруг мы услышали как бы барабанный бой и, оглянувшись, увидели в стене справа

икону святителя Феодосия Черниговского, который мне словно напоминал о себе. Святитель стоял в кивоте во весь рост, живой. Я вспомнила, что в последнее время перестала ему молиться.

Затем, когда мы пошли дальше, навстречу нам вышел святитель Николай Мирликийский. Он был весь розовый и золотой, как лепесток розы, пронизанный золотистыми лучами солнца. Моя душа содрогнулась от соприкосновения со святыней, и я в ужасе бросилась ниц. Заныли мучительно все язвы душевные, словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Лежа ниц, я между тем видела, как святитель Николай поцеловал духовника в щеку... Мы пошли дальше.

Вскоре я почувствовала, что Матерь Божия может спуститься к нам. Но моя немощная греховная душа заметалась отчаянно от невозможности общения со святыней.

Мы пошли и почувствовали, что близко выход. Почти у самого выхода я увидела мытар-

ство одного моего знакомого, а по выходе — одну монахиню, которую словно подбрасывали на доске вверх. Но здесь чужие грехи не привлекали совершенно моего внимания.

Потом мы вошли в храм. Притвор был в тени, а главная часть храма — залита светом.

Высоко в воздухе около иконостаса стояла стройная фигура девушки необычайной красоты и благородства, облеченная в пурпурную мантию. Овальным кольцом в воздухе окружали ее святые. Эта дивная девушка показалась мне необычайно знакомой, родной, но я тщетно силилась вспомнить, кто она: «Кто ты, милая, родная, бесконечно близкая?» И вдруг что-то внутри мне сказало, что это моя душа, данная мне Богом, душа в том девственном состоянии, в каком она была из купели Крещения: образ Божий в ней не был еще искажен. Окружали ее святые заступники, не помню, кто именно, — один, помнится, был словно в древних святительских одеждах. Из окна храма лился чудный свет, озаряя все кротким сиянием. Я стояла и смотрела, замирая.

Но тут из сумеречной тени притвора ко мне подошло ужасное существо на свиных ногах, развратная баба, безобразная, низкая, с огромным ртом, с черными зубами поперек живота. О, ужас! Это чудовище была моя душа в настоящем ее состоянии, душа, исказившая образ Божий, без-образная.

В смертной безысходной тоске затрепетала я. Чудовище как бы хотело прильнуть ко мне со злорадством, но ведущий отстранил меня со словами: «Еще не умерла», — и я в ужасе устремилась за ним к выходу. В тени, вокруг колонны, сидели и другие подобные уроды — чужие души, но не до чужих грехов мне было.

Уходя, я оглянулась и опять с тоской увидела в воздухе, на высоте иконостаса, ту родную, близкую и давно забытую, утерянную...

Мы вышли и пошли по дороге. И тут как бы стала изображаться моя предстоящая земная жизнь: я увидела себя среди старинных, занесенных снегом монастырских построек. Меня окружили монахини, словно говоря:

«Да, да, хорошо, что пришла». Подвели меня к игумену, тоже приветствовавшему мое прибытие. Но я почему-то страшно не хотела оставаться там, сама себе удивляясь во сне, так как в этот период жизни (перед болезнью) уже стремилась к монашеству.

Потом как-то мы вышли оттуда и очутились на пустынной дороге. Около нее сбоку сидел величественный старец с большой книгой в руках. Мы с духовником стали перед ним на колени, и старец, вырвав лист из книги, подал его отцу Стефану. Тот взял его и – исчез. Я поняла – умер. Исчез и старец. Я осталась одна. В недоумении, со страхом я пошла вперед, дальше по пустынной песчаной дороге. Она привела меня к озеру. Был закат. Откуда-то доносился тихий церковный звон. На берегу озера стеной стоял бор. Я остановилась в полном недоумении: дороги не было. И вдруг, скользя над землей, в воздухе передо мной явилась фигура духовника. В руках у него было кадило, и он строго смотрел на меня. Двигаясь в сторону леса лицом ко мне, он ка-

дил и словно звал меня. Я последовала за ним, не спуская с него глаз, и вошла в чащу леса. Он скользнул сквозь стволы деревьев, как призрак, и все время кадил, неотступно глядя на меня. Мы остановились на полянке. Я опустилась на колени и стала молиться. Он, бесшумно скользя вокруг полянки и не спуская с меня строгих глаз, покадил ее всю и исчез — я проснулась.

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату, слышала дыхание спящей родственницы. Сознательно не желая продолжения сновидения, я читала молитву, но снова против воли словно уходила из себя.

Когда я теперь окончательно проснулась, то ясно поняла, что умираю, и тут всю свою жизнь ощутила как бесцельную, не приготовившую меня к вечности.

«Даром, даром прожита жизнь», — твердила я и с горячей молитвой приникла к Царице Небесной, дабы Она испросила мне время на покаяние. «Обещаю жить для Сына Твое-

го», – вылилось из глубины моего сердца. И в тот же момент словно благодатной росой обдало меня. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни...

Наутро врач констатировал мое полное выздоровление.

Содержание

150 T

